

RU

Е. Ф. Розен как сотрудник журнала «Московский вестник» и пропагандист русской литературы в Остзейском крае

Куц Н. В.

Аннотация. Статья посвящена раннему периоду биографии Е. Ф. Розена – поэта, переводчика, критика и драматурга, более всего известного как либреттист оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836). Освещается сотрудничество Розена в журналах «Московский телеграф», «Московский вестник» и ревальском немецкоязычном журнале «Эстона» в 1827-1829 годах. Изучается дебютное стихотворение Розена «Черкешенка Пушкина» (1825), написанное под впечатлением поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник». Подробно рассматривается стихотворение Розена «Лето жизни», опубликованное в «Московском вестнике» в 1827 году, сравниваются две его редакции – ранняя, относящаяся к периоду сотрудничества в журнале, и поздняя, созданная три года спустя. Цель исследования – уточнение позиции Розена в литературном процессе конца 1820-х годов. Научная новизна работы заключается во введении в научный оборот ранее не исследованного текста Розена. В результате устанавливается связь стихотворения Розена с поэзией А. С. Пушкина, Ф. Н. Глинки и – в меньшей степени – московских «любомудров». При анализе переводческой активности Розена и откликов на нее в печати выясняется, что сотрудничество поэта в журнале «Эстона» поощрялось его литературными знакомыми.

EN

E. F. Rosen as an employee of the “Moskovsky vestnik” magazine and a promoter of Russian literature in the Ostsee region

Kuts N. V.

Abstract. The article is devoted to the early period of the biography of E. F. Rosen, a poet, translator, critic and playwright, best known as the librettist of M. I. Glinka’s opera “A Life for the Tsar” (1836). Rosen’s collaboration in the magazines “Moskovsky telegraf”, “Moskovsky vestnik” and the Reval German-language magazine “Esthona” in 1827-1829 is highlighted. Rosen’s debut poem “Pushkin’s Circassian” (1825), written under the influence of the poem “The Prisoner of the Caucasus” by A. S. Pushkin, is being studied. Rosen’s poem “Summer of Life”, published in “Moskovsky vestnik” in 1827, is considered in detail, two of its editions are compared – the early one, which corresponds to the period of his collaboration in the magazine, and the later one, created three years later. The aim of the research is to clarify Rosen’s position in the literary process of the late 1820s. The scientific novelty of the work lies in introducing into scientific use a previously unexplored text by Rosen. As a result, a connection between Rosen’s poem and the poetic works by A. S. Pushkin, F. N. Glinka and, to a lesser extent, the members of the Moscow “Society of Lyubomudriye” has been established. When analysing Rosen’s translation activities and responses to these activities in the press, the researcher finds that the poet’s collaboration in the “Esthona” magazine was encouraged by his literary acquaintances.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим в наше время вниманием к жизни и творчеству писателей «второго ряда», представленным, в частности, в продолжающемся издании биографического словаря «Русские писатели: 1800-1917». Авторы «второго ряда» участвовали в литературном процессе своей эпохи и вносили посильный вклад в русскую культуру. Изучение их творческого наследия, литературной среды, личных и творческих связей с великими современниками позволяет полнее представить развитие литературы и способствует воссозданию контекста, сопровождавшего общепризнанные поэтические достижения литераторов «первого ряда».

Остзейский барон Егор Федорович Розен известен в первую очередь как исторический драматург и автор либретто к опере М. И. Глинки «Жизнь за царя». Эти две грани его творчества в последнее время плодотворно

изучаются (Киселева, 2014; 2018; Лашенко, 2020). Лирика Розена привлекает меньше внимания, хотя и она становилась предметом рассмотрения в обобщающих работах (Вацууро, 2007, с. 341-342). Примеры наблюдений над отдельными стихотворениями Розена можно найти у А. Н. Архангельского (1991, с. 163-166) – «Пастуший рог в Петербурге», М. Я. Вайскопфа (2012) – «Звезды родины», «Спальный», «Венчальный обряд», «Аделина» и итальянского исследователя С. Гардзонио (Garzonio, 2000) – цикл Розена «Милой незнакомке». Следует отметить, что эта сторона творчества поэта все еще нуждается в изучении. Слабо изучены и литературные связи Розена с его московскими, петербургскими и ревельскими знакомыми – литераторами и издателями.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: описать литературную среду, в которой находился Е. Ф. Розен в 1828-1829 годах; проанализировать стихотворение, опубликованное в журнале «Московский вестник»; сравнить его раннюю редакцию с более поздней, содержащей следы существенной переработки; осветить переводческую деятельность Розена в конце 1820-х годов.

Методы исследования: биографический и метод целостного анализа литературного произведения.

Материалом исследования послужили публикации Е. Ф. Розена в периодике 1820-1840-х годов: Розен Е. Ф. Черкешенка Пушкина // Дамский журнал. 1825. № 17; Розен Е. Ф. Лето жизни // Гирлянда. 1831. Ч. 1. № 2; Розен Е. Ф. Лето жизни // Московский вестник. 1827. № 24; Розен Е. Ф. Нечто о «Московском телеграфе» // Сын отечества. 1832. № 10; Розен Е. Ф. Двойная жизнь. Очерк. Соч. К. Павловой // Сын отечества. 1848. № 5. Отд. 6; <Розен Е. Ф.> Журнальные заметки. Письмо к «Москвитянину» от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6, – а также следующие журнальные и газетные публикации: Московский телеграф. 1829. Ч. 25. № 1; С. <Сомов О. М.> «Три стихотворения» барона Г. Розена // Северная пчела. 1829. № 36; Шевырев С. П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. Материал исследования также составили научные издания А. С. Пушкина и поэтов пушкинской эпохи: Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957; Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 4. Поэмы, 1817-1824; Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения, 1826-1836. Сказки; Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969.

Теоретическую базу исследования составили работы В. Э. Вацууро (2004; 2007), рассматривавшего творчество «забытых» поэтов на широком историко-литературном фоне и во взаимодействии в разнообразных литературных кругах.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов при подготовке учебных курсов по русской литературе первой трети XIX века, в специальных курсах, посвященных «второстепенным» поэтам, и при создании учебных пособий.

Обсуждение и результаты

Во второй половине 1820-х годов Е. Ф. Розен, с 1819 года служивший в Елисаветградском гусарском полку, только начинал ориентироваться в русской литературе, но уже в ранних его стихотворениях намечилось тяготение к творчеству Пушкина. Как поэт Розен дебютировал в московской печати. Одно из первых его стихотворений, «Черкешенка Пушкина», было опубликовано в 1825 году в сентименталистском «Дамском журнале» П. И. Шаликова. Стихотворение соответствовало направлению журнала – это мелодраматическая реплика на сюжет пушкинского «Кавказского пленника». Все стихотворение представляет собой патетический монолог черкешенки после того, как она простилась с пленником у реки: «Тебя ль, о друг моей печали! // Несут шумящие струи?» (Розен, 1825, с. 175). Провожая взглядом уплывающего возлюбленного, девушка решает утопиться: «...В волнах отчизны // Ищу желанного конца!» (Розен, 1825, с. 176). У Пушкина самоубийство черкешенки дано с точки зрения пленника и без каких-либо предсмертных упреков. Розен, обнаруживая, по своим представлениям, в этой сцене недостаток мелодраматизма, заполняет лауну. Пленник у Пушкина, услышав отдаленный стон и обернувшись, видит, как: «...При луне в водах плеснувших // Струистый исчезает круг» (1937, с. 112). Этот образ заимствует Розен, вкладывая цитату из пушкинских строк в уста черкешенки: «...Милый друг! // Вообрази в своих мечтаньях // Тяжелый вздох – струистый круг!» (1825, с. 176).

Другим московским журналом, оказавшимся гостеприимным к творчеству молодого поэта, был «Московский телеграф» Н. А. Полевого. С 1826 года по 1828 год в журнале было опубликовано девять стихотворений Розена («Дева гор», «Картина жизни», «Спящая Передслава», «Греческая героиня», «Тоска по юности», «К певцу Эды», «Мой идеал», «Развалины Десятинной церкви», «Видение Тасса»). Изредка бывая в редакции «Телеграфа» во время службы – Елисаветградский гусарский полк в 1827-1828 годах квартировал в Севске Орловской губернии (Плешаков, 2009, с. 99), – Розен познакомился там с Е. А. Баратынским, И. В. Киреевским и др. По его позднему отзывам о «Московском телеграфе» и его издателе можно судить, что Полевой оказывал Розену (1832, с. 166-174) некоторое покровительство в начале творческого пути.

Весной 1828 года Розен вышел в отставку и обосновался в Москве. Как вспоминал поэт в 1848 году, в московском обществе он нашел «столько прекрасного и привлекательного», что за десять лет не мог привыкнуть к Петербургу, а другие десять лет протосковал по Москве, «находясь с нею в тесном умственном сочетании, как тень Ахиллеса с Ифигениею» (Розен, 1848, № 5, с. 17). По-видимому, к этому времени относится знакомство Розена с московскими любомудрами, группировавшимися вокруг журнала «Московский вестник»: В. Ф. Одоевским, М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым и А. С. Хомяковым.

В «Московском вестнике» напечатано одно стихотворение Розена, «Лето жизни» – философско-аллегорическая элегия. Середина жизненного пути сравнивается в ней со знойным летним полднем:

«Не луч животворящий света,
Но яд губительный огня
На всё лиет светило дня:
Так душно жизненное лето!»
(Розен, 1827, с. 385).

План материального проецируется на план духовного. Полуденная природа сравнивается с «опаленным трупом» мифологической Семелы, погибшей в пламени Зевсовых молний. Герой стихотворения бредет по «зыбучему песку» в безбрежном «океане степи», изнемогая от зноя и одновременно с этим влача за собой «души заржавленные цепи». Страдание от жары описывается в подчеркнуто прозаических подробностях:

«И давит зной – и силы нет...
Паду на прах... и мутный свет
Плывет багряной тьмой во взоре...
Уста горят... тяжелый пот
С чела сожженного течет,
И воздух – огненное море!»
(Розен, 1827, с. 385).

Завершается элегия обращением к Богу: герой молит уничтожить молнией оковы души и вдохнуть в него Благодать, чтобы прекратить «дремоту тяжкого бессилья».

Нельзя не выделить возможный пушкинский подтекст этой пьесы Розена – стихотворение «Пророк»: «Духовной жаждою томим, // В пустыне мрачной я влачилсЯ...» (Пушкин, 1948, с. 30). У Розена: «Я по зыбучему песку // В обширном океане степи, // Без чувств, без слез один влеку // Души заржавленные цепи» (1827, с. 385). Но наиболее вероятным литературным источником стихотворения могли послужить хорошо знакомые Розену «Опыты священной поэзии» Ф. Н. Глинки, в частности «Вопль раскаяния» (мотивы зноя, падения в прах и образ заржавленных оков) и «Тоска». У Глинки в «Тоске»:

«От неба Твоего святого
Одной себе отрады жду!
В груди пожар; кругом тревоги;
Колючий терн изъел мне ноги!
Едва, болезненный, иду
В безвестный путь, чрез знойны степи;
И смутны дни за мной, как цепи!..»
(1957, с. 160).

В кругу «Московского вестника» могли оценить стихотворение Розена, несмотря на то что в нем поэт не избежал свойственной ему склонности к образному каламбуру: «На доли жаждущей земли // Туманы зноя возлегли», «зыбучий песок» в степи, свет «плывет багряной тьмой». Тематически и на мотивном уровне элегия перекликается не только с поэзией Ф. Н. Глинки, но и с творчеством Любомудров: это аллегорическая картина жизни («Веточка» Д. В. Веневитинова) с мотивами падения в прах и желания духовного возрождения («Сила духа» С. П. Шевырева). Наконец, редакторы «Московского вестника» могли заметить и мотивную перекличку с «Пророком», совсем недавно опубликованным в журнале.

Примечательно, что у этого стихотворения есть более поздняя редакция, которую Розен опубликовал в 1831 году сразу в двух изданиях: в «Гирлянде» М. А. Бестужева-Рюмина и в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» А. Ф. Воейкова, снабдив публикацию в «Гирлянде» комментарием о том, что пьеса печатается «в улучшенном виде» и с прибавлением последней строфы. Это редкий случай, когда мы, не обладая рукописями Розена, можем проследить на конкретном материале, как разворачивается его поэтическая мысль.

Сравним две редакции (курсивом мы выделили новые строки):

«Лето жизни
В полудне солнце – и горит
И мещет пламенные стрелы;
Природа блеклая лежит,
Как опаленный труп Семелы!
На доли жаждущей земли
Туманы зноя возлегли;
Не луч животворящий света,
Но яд губительный огня
На всё лиет светило дня:
Так душно жизненное лето!

Я по зыбучему песку
В обширном океане степи,
Без чувств, без слез один влеку
Души заржавленные цепи.

«Лето жизни
В полудне солнце – и горит
И мещет пламенные стрелы...
Природа блеклая лежит,
Как опаленный труп Семелы!
Потоки сЯкнут, и вдали
Туманы зноя возлегли!
В оцепенелом дремля горе
Пустыни дух поник челом,
И всё в унынии немом,
И воздух – огненное море!

Я по зыбучему песку,
Нагбенный тяжестию зноя,
Судьбы невольник, жизнь влеку.
Нет силы более... Я, ноя,

И давит зной – и силы нет...
Паду на прах... и мутный свет
Плывет багряной тьмой во взоре...
Уста горят... тяжелый пот
С чела сожженного течет,
И воздух – огненное море!

Я гибну... Жизнью мне повеи,
Повеи целительной прохладой,
Дыши средь горестных степей
Мироухающей отрадой,
Святая неба Благодать!
Ах, долго ль, долго ль мне страдать
В дремоте тяжкого бессилья...
Ты брызни пылью райских струй!
О Боже! Молнией раскуй
Души закованные крылья!»
(Розен, 1827, с. 385).

*Упал во прах... Горячий вздох
Палит сей степи черствый мох;
В очах сомкнутых пурпур света
И жажда, словно пламя, – жжет;
Потоком жарким льется пот –
Так душно жизненное лето!*

Я гибну... Жизнью мне повеи,
О Благодать! Повеи прохладой!
Дыши средь горестных степей
Мироухающей отрадой!
Души несчастной не пытай!
Дыханьем бурь с нее сдувай
Дремоту тяжкого бессилья;
Ты брызни пылью райских струй,
О Боже! Молнией раскуй
Души закованные крылья!

*Раскуй, о Боже! Я взвзовьсь
На высоту родного мира...
С орлиной жадностью упьюсь
Блестящим нектаром эфира –
И вспыхнет жизнь, вздымится грудь;
Я устремлю на солнце путь
Шумящим летом воздух роя!
Я шире крылья разовью,
Крылами солнце обовью,
Затмлю его – не будет зноя!»*
(Розен, 1831, с. 46-47).

Как видим, Розен убирает часть логических противоречий: заменяет «мутный свет», плывущий «багряной тьмой во взоре», на более удачное выражение «в очах сомкнутых пурпур света», а также указывает причину «туманов зноя» («потоки сжнут»). Одновременно с этими незначительными правками Розен перерабатывает все стихотворение. Вместо прежнего героя, скитающегося в середине жизни под полуденным солнцем, с которым отождествлял себя поэт, появляется отвергнутый небесами «пустынный дух», стремящийся вернуться «на высоту родного мира». В ультраромантической заключительной строфе он желает затмить своими крыльями солнце.

Несмотря на отдаленную переключку с «Желанием» Хомякова: «Хотел бы я разлиться в мире, // Хотел бы с солнцем в небе течь, // Звездой в сумрачном эфире // Ночной светильник свой зажечь» (1969, с. 72), – вторая редакция элегии вряд ли удовлетворила бы участников «Московского вестника». Опыт аллегории о середине жизненного пути под пером Розена превратился в байроническую мечту демона, «пустынного духа». Не исключено, что первая редакция стихотворения была создана с учетом высказанных в кругу «Московского вестника» замечаний. В этом свете показательным, что более позднюю редакцию Розен считал «лучшей», соображаясь с собственными эстетическими предпочтениями.

Много лет спустя, в 1848 году, во время полемики с Розеном С. П. Шевырев (1848, с. 109) будет вспоминать «немецкий покров» его стихов и то, что «Московский вестник» «неохотно» принимал его материалы. Розен, забыв о «Лете жизни», утверждал, что в журнале не поместили ни одного его стихотворения: «За каждую редакцию признаю я право помещать что ей нравится, отклоняя все прочее, будь оно хорошо или дурно» (1848, № 7, с. 24) – и с опозданием опубликовали отосланную в редакцию повесть «Черная маска» (такой повести в «Московском вестнике» нет). Тем не менее единичный факт публикации в журнале в 1827 году не помешал Розену завести приятельские отношения с Шевыревым и познакомиться с другими авторами «Московского вестника». В начале июля 1828 года Розен собирался ехать в Ревель через Петербург, и Шевырев передал ему с оказией письма к петербургским сотрудникам журнала. 8 июля В. П. Титов из Петербурга писал о том, что «германо-русский пиита» отдал ему письма Погодина и Шевырева, но не смог, как собирался, прийти на первую встречу с Пушкиным. На следующий день Розен уехал в Ревель – по-видимому, до середины февраля 1829 года.

Без сомнения, в Ревель барон отправился прежде всего по личным делам. Но вызывает интерес его активное участие в прибалтийской печати в эти полгода: он начинает сотрудничать в немецкоязычном журнале «Эстона» («Esthona»), выходившем в Ревеле с 29 октября 1828 года по 18 августа 1830 года. Редактор издания Франц Шлейхер привлек к своему начинанию большинство эстляндских литераторов. Одной из задач нового еженедельника объявлялось ознакомление публики «с образцами русской литературы посредством их переводов на немецкий язык, а также ознакомление с культурной жизнью России, отечественным театром и искусством» (Исаков, 1971, с. 18). Розен выступил в нем в качестве переводчика современной русской литературы. Серия переводов открывалась статьей «Нечто о характере поэзии Пушкина» И. В. Киреевского, которую Розен оценивал очень высоко, следом шли переводы стихотворений Пушкина «Буря» и «Пророк» (оба

впервые опубликованы в «Московском вестнике» в 1827 и 1828 годах соответственно) и перевод «Русской песни» («Пела, пела пташечка...») А. А. Дельвига (Исаков, 1971, с. 28-30). Можно предположить, что на родине Розен поддерживал связь со своими московскими приятелями и выполнял некое «задание», связанное с популяризацией русской литературы и журналов «Московский телеграф» и «Московский вестник», в частности. По крайней мере, очевидна связь Розена с Н. А. Полевым в это время. В примечании к одному из розеновских переводов Ф. Шлейхер писал: «Прославленный издатель “Московского телеграфа” г-н Николай Алексеевич Полевой дружески предложил нам вместе с достопочтенным переводчиком этой статьи помощь в достижении нашей цели, как и вообще покровительство в нашем начинании» (Цит. по: Исаков, 1971, с. 21). В журнале Полевого также появилось свидетельство особого внимания к эстляндскому еженедельнику: «Желаем совершенного успеха почтенному издателю и предоставляем себе удовольствие поговорить подробнее об “Эстоне” с нашими читателями. Пора и должно сближаться нам с германскими нашими соотечественниками. Более 100 лет прошло, как мы благоденствуем под скипетром одного монарха, а всё как будто чужие» (Московский телеграф, 1829, с. 112-113).

Как отмечал исследователь русско-прибалтийских литературных связей С. Г. Исаков, розеновский перевод статьи Киреевского точен. Эта работа стала первой попыткой познакомить остзейского немецкого читателя с критическим осмыслением творчества Пушкина. Немаловажно, что за статьей в качестве примеров следовали недавно опубликованные пушкинские стихотворения («Пророк», «Буря»). Впрочем, поэтические переводы дались Розену труднее: в них нарушается схема рифмовки и ритмики оригинала, не учитываются особенности стиля (Исаков, 1971, с. 29-30).

Во время следующего долговременного отъезда в Ревель (вторая половина апреля – вторая половина августа 1829 года) Розен, успевший сблизиться в Петербурге с пушкинским кругом и войти в кружок Дельвига, продолжает выступать в качестве пропагандиста русской литературы: в «Эстоне» вскоре печатаются сравнительно удачные переводы «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, «Русской песни» («Соловей мой, соловей...») и «Романса» («Друзья, друзья, я Нестор между вами...») Дельвига, повести «Русалка» О. М. Сомова, опубликованных сцен из «Бориса Годунова» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре», «Граница литовская») (Исаков, 1971, с. 32). Не забывает Розен и о собственном творчестве: в журнале появляются прозаические переводы его поэм «Ссылный» (1828) и «Тайна» (1829) с подписью С. Jennу (вероятно, псевдоним Розена).

Переводы Розена были высоко оценены в русской печати. Так, О. М. Сомов, покровительствовавший Розену в Петербурге в конце 1820-х годов и называвший себя его «повивальной бабкой» (Вацуру, 2004, с. 136), в рецензии «Северной пчелы» на книгу «Три стихотворения» сообщал: «Должно сказать, что произведения барона Розена на немецком языке весьма похваляются знатоками. Таковы его переводы некоторых стихотворений А.С. Пушкина и барона Дельвига, помещенные в весьма хорошем литературном еженедельнике “Эстона”» (Сомов, 1829, с. 1).

Заключение

Рассмотрев «московский» и «ревельский» эпизоды литературной биографии Розена, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Уже в начале творчества поэт продемонстрировал ориентацию на сочинения Пушкина («Черкешенка Пушкина») и поэтов из его окружения. Впоследствии его живой интерес к поэзии Пушкина и Дельвига проявился в переводах, выполненных для ревельского журнала «Эстона».

2. Сопоставление двух разных редакций стихотворения «Лето жизни» показывает, что Розен существенно перерабатывает элегию, первоначально опубликованную в журнале «Московский вестник». Не исключено, что первая редакция аллегорической пьесы была создана с учетом пожеланий, исходивших из круга «московских любомудров». Вторая редакция свидетельствует об обращении Розена к ультраромантической поэтике, предвосхищающей эпигонскую поэзию 1830-1840-х годов.

3. Н. А. Полевой, бывший «журнальным патроном» Розена в 1826-1829 годах, активно поддерживал переводческую деятельность Розена в Остзейском крае. Так же относились к усилиям Розена, по-видимому, «московские любомудры» (перевод статьи И. В. Киреевского о Пушкине) и писатели из пушкинского окружения (отзыв О. М. Сомова).

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более углубленном изучении лирических опытов Розена и его литературных связей с современниками.

Источники | References

1. Архангельский А. Н. В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А. Н. У парадного подъезда: литературные и культурные ситуации периода гласности (1987-1990). М.: Сов. писатель, 1991.
2. Вайскопф М. Влюбленный демиург: метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
3. Вацуру В. Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели 1800-1917: биографический словарь: в 7-ми т. М.: Большая рос. энциклопедия, 2007. Т. 5.

4. Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига – Пушкина // Вацуро В. Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Исаков С. Г. Журналы “Esthona” (1828-1830) и “Der Refraktor” (1836-1837) как пропагандисты русской литературы // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1971. Вып. 266.
6. Киселева Л. Н. Эстляндец барон Е. Ф. Розен – борец за русскую народность // Киселева Л. Н. Эстонско-русское культурное пространство. М.: Викмо-М, 2018.
7. Киселева Л. Н. Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг. // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4.
8. Лащенко С. К. М. И. Глинка и Е. Ф. Розен // Искусство музыки: теория и история. 2020. № 22-23.
9. Плешаков И. Н. Гусарская быль // Рать саратовская: очерки военной истории Саратовского края. Саратов: Приволжское издательство, 2009.
10. Garzonio S. A 19th century poetical antecedent of Block’s “Neznakomka” (The lyrical cycle “Miloj neznakomke” by Baron Georgii Rozen) // Elementa: Journal of Slavic Studies and Comparative Cultural Semiotics. 2000. Vol. 4. Iss. 4.

Информация об авторах | Author information

Куц Николай Викторович¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Kuts Nikolai Victorovich¹

¹ Lomonosov Moscow State University

¹ nikolaikuts@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.06.2023; опубликовано online (published online): 15.08.2023.

Ключевые слова (keywords): Е. Ф. Розен; А. С. Пушкин; Ф. Н. Глинка; журнал «Московский вестник»; перевод; E. F. Rosen; A. S. Pushkin; F. N. Glinka; magazine “Moskovsky vestnik”; translation.